

АЛЕКСЕЙ
ЧЕРКАСОВ
ПОЛИНА
МОСКВИТИНА

Конь рыжий
Том 2

ВСЕМИРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

Всемирная литература (новое оформление)

Алексей Черкасов
Конь рыжий. Том 2

«ЭКСМО»

1972

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Черкасов А. Т.

Конь рыжий. Том 2 / А. Т. Черкасов — «Эксмо»,
1972 — (Всемирная литература (новое оформление))

ISBN 978-5-04-228553-0

Историческая трилогия красноярского писателя Алексея Черкасова и Полины Москвитиной «Сказания о людях тайги» повествует о судьбах жителей Сибирского края. Второй роман «Конь рыжий» повествует о судьбе казачьего хорунжего Ноя Лебеда, участника Гражданской войны в Красноярске и Енисейской губернии, а также о жизненных перипетиях героев первой части «Сказаний о людях тайги». В трилогию входят романы «Хмель», «Конь рыжий» и «Черный тополь». Книги подойдут для любителей сибирского эпоса – дилогии «В лесах» и «На горах» Павла Мельникова, «Угрюм-реки» Вячеслава Шишкова и «Приваловских миллионов» Дмитрия Мамина-Сибиряка.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-228553-0

© Черкасов А. Т., 1972
© Эксмо, 1972

Содержание

Сказание второе. Метрою жизни	6
Завязь первая	7
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Алексей Черкасов, Полина Москвитина

Конь рыжий

Том 2

© Черкасов А. Т., Москвитина П. Д., наследники, 2025

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

* * *

Сказание второе. Метрою жизни

Все минется – одна правда останется!

Завязь первая

I

Когда русские казаки, пробираясь в глубь Сибири, вышли к Енисею и остановились на горе, откуда вширь и вдаль просматривался пологий берег синеющей внизу великой реки, а справа, обнимая низменность полукружьем, тупыми лбами упирались в реку лохматые горы, атаман сказал: «Сколько прошли Сибирью, этакой красоты не видавали. Под горою у реки станок будем рубить, на горе сей воздвигнем караульную часовню, чтоб дозору бысть и дяк мог бы молебствия проводить христианские. Отныне се земля русская, вольная!»

Застучали топоры, падали наземь вековые сосны и пихты. Выстроили сперва бревенчатую часовню в три яруса с дозорными окнами для караула на все четыре стороны света, поставили немало домов, обнесли станок крепостной стеною из вбитых в землю бревен, заостренных сверху.

Помаленьку строились, обживались...

Года через три припожаловал воевода, похвалил атамана за выбор доброго места, спросил:

– Как сей станок прозывается?

– Красный Яр, – ответил атаман.

Огляделся воевода окрест: по крутому яру выступали красные камни, и сама земля была будто окроплена кровью.

– Бысть по сему! – сказал воевода. – Отныне пусть сей станок Красным Яром прозывается, а гора Караульной. Отслужи, дяк, службу да освяти место, чтоб веки бысть ему здраву.

И стало так.

Не ведал знатный воевода, что нарек казачий станок мятежным именем.

С того и пошло: жили казаки вольно, не зная притеснений боярских, изведанных на Руси. Вдоволь добывали пушного зверя, за Урал-Камень с торгом ездили. Разрастался Красный Яр домами русских поселенцев, распахивались земли, сеяли рожь, ячмень и просо, собственное пиво варили – по усам текло и в рот попадало. А потом и город вырос – Красноярск.

Первый бунт в Красноярске вспыхнул против власти нового воеводы, жадного на сибирское пушное богатство, не в малой мере притеснявшего жителей Красноярска. Зарубили того воеводу, разогнали его охранную дружину, чем и ввели во гнев государя всея Руси. Карать, карать вольнолюбцев, чтоб были тише воды и ниже травы. Да вот вода-то в самом Енисее не тихая, а бурная. То и дух вольного Красноярска – неукротим, неистребим оказался.

Не малым числом осело на вечное жительство в Красноярске за время царское ссыльных и отбывших каторгу, а после завершения строительства железной дороги – пришлого рабочего люда. И не потому ли в 1905 году в Красноярске восстали рабочие, провозгласив Советы? Кровью умылся город на Енисее; на стенах депо и железнодорожных мастерских надолго остались выщербины от винтовочных пуль. Многие погибли в боях, еще больше угнано в ссылку и на каторгу. Но нельзя было убить дух города – вольный, размашистый, под стать самой Сибири!

Недаром вслед за Петроградом в Красноярске утвердилась власть Советов. Не минуло года, не успели Советы укрепиться, как поднял восстание мятежный чехословацкий корпус, растянувший свои вооруженные эшелоны от Самары до Владивостока.

Белочехи захватили Челябинск, Омск, Петропавловск, Семипалатинск, Акмолинск, Новониколаевск, Томск, а с востока – Нижнеудинск и Канск.

Красноярск оказался в клещах.

Город превратился в военный лагерь, ошетинился штыками. Улицы патрулировались красногвардейцами и интернационалистами из бывших военнопленных. Губернские и городские партийные и советские учреждения были закрыты – все ушли на фронт. Не хватало оружия, боеприпасов, обмундирования. В мастерских, депо и на паровозовагоноремонтном заводе набивались патроны, изготавливались снаряды и гранаты, ремонтировались винтовки, берданки и даже дробовики дедов и прадедов.

Эшелон за эшелонам отправлялись отряды рабочих-добровольцев и красногвардейцев на восточный – Клюквенский и западный – Мариинский фронты.

Красноярск сражался...

Отряды, батальоны, рабочие дружины красногвардейцев, сдерживая натиск превосходно вооруженных белочехов и белогвардейцев, отступали, взрывая железнодорожные мосты, густо поливая землю кровью.

Минула неделя – Красноярск сражался...

Вторая – бои, бои!..

В конце третьей недели началась эвакуация оставшихся в городе советских работников, отрядов красногвардейцев и интернационалистов на север – другого исхода не было. Из Москвы было получено сообщение, что из Мурманска в устье Енисея в беспрецедентно трудный рейс морями Ледовитого океана вышел ледокол «Вайгач». Ледокол затонул в Енисейском заливе, напоравшись на подводную скалу. Но об этом узнали много позднее...

Восемнадцатого июня у пристани дымили под парами «Орел», «Иртыш» и маленькая «Стрела». Из Минусинска поджидали еще два парохода – «Тобол» и «Россию».

Это был последний день эвакуации...

Надрывались гудки заводов, паровозов, лесопилок. А тем временем воинствующие эсеры и меньшевики очумело носились по городу, возбуждая население: «Красные бегут! Большевики грабнули банк! Караул, держите! Омский совдеп, отступая по Иртышу, захватил триста миллионов, Томский – сорок, а Красноярский, господи помилуй, все золото и бумажки выгреб подчистую».

Заговором в губернии руководила группа эсеров-полковников, утвержденных подпольной Сибоблдумой в Новониколаевске правителями Енисейской губернии и арестованных Красноярским ЧК на тайном совещании в середине марта.

Заклученные контрреволюционеры успели вступить в тайную связь со старшим надзирателем третьего корпуса Поповым, через которого получали информацию с воли.

Утром 18 июня полковник Ляпунов, назначенный управляющим Енисейской губернией, получил от Попова буханку хлеба, а в ней – подробнейший доклад об эвакуации красных: какие пароходы ушли, кто на пароходах, фамилии капитанов, комендантов, лоцманов, механиков. Сообщение полковника Дальчевского с восточного фронта и эсера Фейфера с Мариинского – победа над красными не за горами! Мужайтесь, господа! Тайное эсеровское бюро взяло на учет по губернии столько-то младших и старших офицеров; имеются казачьи взводы, готовые немедленно выступить на разгром Советов.

А город?! В чьих руках город?!

– Красные в городе, господин полковник, – ответил старший надзиратель. – Но они уйдут сегодня.

– Уйдут? И вы думаете, они не устроят кровавого побоища в тюрьме? Господа! – обратился полковник к офицерам. – Для нас этот день может стать последним. Но прошу вас, никакой паники. Господин Попов, пришлите парикмахера! – И когда ушел из камеры старший надзиратель, Ляпунов вытер платком вспотевшее лицо, трагически закончил: – Большевики устроят сегодня Варфоломеевскую ночь в тюрьме! Маски сброшены, господа. Всем побриться и привести в порядок одежду, чтобы предстать перед ними в должном виде! Мы умрем стоя, господа!

Господ офицеров будто прохватило крещенским морозом. У будущего губернского комиссара подполковника Каргаполова перекошилось лицо и ноги заметно дрожали. Погибнуть за Россию? На кой черт ему Россия со всеми ее потрохами?!

К обеду все побрились, почистились...

С минуты на минуту ждали, когда же ворвутся в камеру бандиты-большевики.

Штабс-капитан князь Хвостов, друг кавалера ордена Почетного легиона Кириллы Иннокентьевича Ухоздвигова – личности весьма темной, попытался было рассказать анекдот. Но его перебил Розанов, командир третьего Енисейского казачьего полка:

– Оставьте, князь! Не до шуток!

Прокурор Лаппо, адвокат Троицкий, доктор Прутов, назначенный Сибоблдумой министром внутренних дел губернии, и подполковник Коротковский, начальник управления МВД, потерянно помалкивали.

II

Разгуливалось вёдро – ни облачка, ни тучки. День обещал быть жарким.

До подхода к городу Ной ободрал убитого Савраску, тушу разрубил и завернул мясо в шкуру – не пропадать же добру! Покончив с Савраской, перетащил багаж на палубу к трапу, чтоб покинуть пароход без промедления.

По левому берегу от господских дач горбатились обрывистые горы, и над ними выписывали круги коршуны, охотясь за малыми пичужками.

Ной разговаривал с Яновым, расспрашивая про конную дорогу на Минусинск.

– Да вот левым берегом, слышал, есть дорога. До пристани Езагаш. А там и до Даурска доберетесь. А у кого вы остановитесь в городе? Можете заехать к нам. Найти наш дом просто. Через линию у депо и в гору по Николаевке – по Большой улице. Сорок седьмой дом.

– Благодарствую, Павел Лаврентьевич.

Впереди показался железнодорожный мост.

Сразу за мостом распахнулся город, деревянный, приземистый, одноэтажный по Набережной, разрумяненный солнцем; зеленым парусом всплыл навстречу островок с тополями, гривы которых причесаны были ветрами в сторону течения реки, пароход подал длинный гудок, отваливая к правому берегу и медленно разворачиваясь. Черный дым из двух труб выстилался над взбугренной водою; дымил «Тобол», недавно причаливший к борту однотрубного «Сибиряка», а по берегу и на дебаркадере сутились провожающие и отъезжающие люди.

Матросы поднесли к борту багаж священнослужителей – плетеные корзины, саквояжи, чемоданы, свертки, – и владыко с золотым, сияющим крестом на груди сошел вниз с двумя иеромонахами и протоиереем, а за ними в нарядной одежде и роскошной шляпке с пером – буржуйка Евгения Сергеевна Юскова с монашкой и Дуней. Ной поглядывал на них со стороны; толпились красногвардейцы, товарищи интернационалисты, приехавшие из Минусинска, разговоры об одном и том же: об отступлении на север, о белочехах и белогвардейцах, о трудном и неизбежном.

Подваливая к берегу и все медленнее ворочая воду колесами, пароход еще два раза прогудел и, стукнувшись о дебаркадер, притираясь, остановился. Матросы выкинули широкий трап. Янов с красногвардейцами стали по обе его стороны, и пассажиры пошли на берег. Первым сошел владыко. Мимо него проскочил на пароход Иван, а следом за ним – Селестина. Дуня в этот момент, так и не осмелившись попрощаться с Ноем при коменданте и красногвардейцах, шла под руку с Евгенией Сергеевной. Селестина столкнулась с ней на трапе, и Ной видел, как она задержалась, будто ошпаренная, и быстро подошла к Ною, уперлась в него взглядом. Ной поприветствовал Селестину Ивановну, и она сразу сообщила: белые сегодня займут город. Через три-четыре часа все пароходы уйдут. На Клюквенском фронте командует белогвардей-

цами полковник Дальчевский, а на западном – Мариинском – с чехословаками капитана Гайды генерал Новокрешинов.

– Такие вот тяжелые обстоятельства, Ной Васильевич! Что скажете?

Ной ничего не сказал – «соображение складывал»...

– На «России» поплывете? Я вас записала на этот пароход.

А Ной стоял у приготовленного к выгрузке багажа; Яснов напряженно прислушивался к их разговору, да и брат Иван пожирал Ноя глазами. И Ной твердо ответил, как того не ждала Селестина:

– На север не поплыву, Селестина Ивановна. О том и разговора не было в Минусинске. Не для меня то.

– Как не для вас?

– Чтоб плыть на пароходе, следственно. Не для меня то! – в том же тоне повторил Ной, выдержав упорный взгляд Селестины. – Коня только убили при обстреле парохода. Ну да сыщу коня. А там – как Бог даст.

– Не-е по-нимаю! – У Селестины враз зарделось лицо, будто обожгло огнем. – Для вас небезопасно оставаться в городе при белых. За Гатчину и Петроград Дальчевский и Новокрешинов не помилуют.

– В милостях не нуждаюсь, – отверг Ной. Не для него то, и баста. Ему не пароход нужен, а конь, добрый конь!

– Далеко ли уедете на коне?

– Дорога сама покажет.

– Мы вас не принуждаем плыть с нами на север, Ной Васильевич. Это ваше личное дело.

– Само собой, – коротко обрезал Ной, давая понять, что разговор исчерпан.

Селестина поникла; лицо ее стало жестким, и она подала руку Ную, тихо и отчужденно промолвив:

– В таком случае, прощайте, Ной Васильевич. Навряд ли встретимся. Если вы здесь погибнете, мне будет жаль. Очень. А если... – тряхнув руку Ноя, не договорив, повернулась и быстро ушла с парохода.

Все это время молчавший Иван зло поглядывал на старшего брата, будто в чем обвинял его. Ной ничего ему не сказал, спросив, здесь ли хозяин.

– Здесь, на пристани. Вместе с сыном. Груз подвозили на ломовых телегах. Пожалуйста, заезжай. На двух этажах дома они одни остались: Ковригин со старухой и сын его с женой. Я их сейчас позову.

Иван привел отца и сына Ковригиных. Сам Ковригин, Дмитрий Власович, пожилой человек в ямщицкой поддевке и в войлочной шляпе, рад гостю – «милости просим», он много хорошего слышал о Ное Васильевиче от дочери-учительницы, Анны Дмитриевны, и назвал сына:

– Василий, из фронтовиков. Контужен был и вышел по белому билету вчистую, еще до первого переворота.

Василий – сильный мужчина с рыжими усиками, широкоскулый, в сатиновой рубаше и плисовых шароварах, вправленных в сапоги, крепко пожал руку Ноя и взял на плечо мешок с мукой, да еще лагунок с маслом прихватил, а Ной за ним понес завернутую в шинель пилу с привязанным к ней оружием и куль с вещами. Телеги стояли поодаль возле крутого яра у взвоза на Набережную. Вскоре перетасили весь груз, в том числе и конину, закрыв ее на телеге сырой шкурой и брезентом от мух. Ковригин велел сыну ехать домой, а сам остался до отхода «России»: обе дочери, Прасковья и Анна, уплывали на этом пароходе.

– Не пойму, что им бежать из города? – сокрушался Ковригин и, сняв шляпу, вытер платком лысую голову с остатком рыжих волос у висков. – Ну, Прасковья в партии ишло с четырнадцатого года. В пятнадцатом посадили, и вышла в марте прошлого года. Фельдшерницей работала при лазарете. Анна после гимназии уехала учительствовать в Минусинск, а вер-

нулась. «Теперь, – говорит, – и я в партии, как Паша». Со старшим сыном были на Ключевском фронте, там и погиб наш Александр Дмитрич! А мы, выходит, с Василием осиротели в большом доме.

«Вот так надежная фатера!» – подмыло Ноя.

Иван уходил на пароходе – через час отплывают.

– Держись команды, Иван, – напутствовал Ной. – Не выпирай наружу большевицтво, потому как ты мало еще соли с боков спустил. Бог даст, свидимся.

– Через месяц мы будем в Мурманске! – задиристо ответил Иван и быстро пошел к пароходу.

Василий взялся за вожжи:

– Со мной поедете, Ной Васильевич?

– На пристани побуду до отхода «Тобола». А как найти ваш дом, если разминемся? – Ковригин сказал адрес и как найти: за Юдинским мостом, на берегу Качи – двухэтажный.

– Ладно. Сыщу. Да, вот что, Василий Дмитриевич, – Ной подошел к телеге, – тут в шинели сверток – в дом занесите. Оружие мое.

– Понимаю! Все будет хорошо. А конину мы продадим татарам на Каче сегодня же. И коня вам купим. Не сомневайтесь!

Ной прошелся берегом по гальке среди отъезжающих и провожающих. И столько-то кругом горячих слез льется, что у Ноя сердце защемило. То старики плачут, прощаясь с сыновьями, то молодые люди обнимаются со своими женами, остающимися в городе. Со всех сторон вспыхивают разговоры:

– Побереги себя на пароходе-то! На севере-то холода. Снег, говорят, не сошел.

– Ладно, мама. Не замерзну!

Или вот еще вяжется узел:

– Другого выхода у нас нету, отец, понимаешь? Только на север. Куда еще? Ах, да! Мало ли чего не говорят обыватели! Вон они собрались на берегу – чиновники и мещане! Золото и миллионы оплакивают!

Поодаль, напротив «Сибиряка», у трапа увидел Селестину с Тимофеем Боровиковым – не пошел дальше, ни к чему глаза мозолить, остался – значит, возврата назад нету, и обсуждать нечего. Надо было что-то хорошее, доброе сказать в напутствие Селестине Ивановне, да из души не выплеснулось. Рядом громко разговаривал высокий господин в соломенной шляпе с черноволосой женщиной, а возле них – чемоданы, постельный сверток, мешок.

– Оставь, Юзеф, прошу тебя! – умоляет женщина.

– О, matka боска! Что ты делаешь, Евгения!

– Я вижу, ты надеешься, что белые в город придут с милосердием, а не с плетями и казнями!.. О, Юзеф!.. Сколько погибло наших товарищей за станцией Маганск, когда белые пустили эшелон под откос и налетели казаки! Казаки!

Ной, сопя, пошел прочь. Казаки! Вот оно как – опять казаки как смертный страх для всех живых!..

– Хоть бы пушку взяли! На всю флотилию один пулемет, – пробасил какой-то красногвардеец с винтовкою.

– И тот еще на берегу, – ответил второй.

– Поляков встретил, венгров – интернационалисты... И они плывут на пароходах?

– Но-ой Ва-асильевич!

Оглянулся и сразу узнал: Анна Дмитриевна, в жакеточке, простоволосая, с копною белокурых волос, уложенных на затылке, лицо загорелое, пухлогубое, с маленьким прямым носом, а с нею девица крупнее, и рыжая коса по груди. Подошли, и Анна Дмитриевна подала руку.

– Здравствуйте, Но-ой Ва-асильевич, – певуче проговорила она. – Вот теперь верю. Ваня только что сказал, что вы приехали. Так неожиданно, честное слово. Познакомьтесь, моя сестра, Прасковья Дмитриевна.

– Вот вы какой! – пожала руку Ноя Прасковья Дмитриевна. – Так вы у нас остановитесь? Вот хорошо-то. А то у нас дом совсем опустел.

– Ну, я на сутки разве.

– На сутки? – вскинула вверх темные брови Прасковья Дмитриевна, а взгляд упругий, дерзкий – сине-синий, как у младшей сестры. Но до чего рыжая косища! Загляденье. А веснушек-то, веснушек!.. Да еще корявая: на лице и сильной шее ямочки оспинок. – И далеко потом? – спросила и, не ожидая ответа: – Сейчас не говорят «куда», чтобы дорогу не «закудыкивать». Смешно, правда? Мы с Анечкой тоже собрались далеко – до самого Ледовитого океана, а там морями, морями в Мурманск! Это очень далеко, правда?

– Па-аша! Смотри! – вскрикнула Анечка. – Григорий Авдеевич Миханошин! Рука у него перевязана, видишь?

– Где он?! Где?!

– Вон с Вейнбаумом идет, гляди! У него же в отряде был Казимир Францевич!..

Старшая сестра бегом кинулась к какому-то Григорию Авдеевичу. Младшая сказала Нюю, что Миханошин на Клюквенском фронте командовал отрядом подрывников.

– Если бы не отряд Григория Авдеевича, белые, наверное, уже были бы в городе! Красноармейцы подорвали много стрелок на станциях и разъездах, водокачку и несколько мостов, – говорила Анечка. – Но вчера нам сказали, что отряд окружили белочехи и едва ли кто в живых остался. Паша прямо с ума сходила. Ведь в этом отряде находился и Казимир Францевич Машевский. Живой ли он?! Это такой замечательный человек, если бы вы знали, Ной Васильевич. Только ужасно скромный, ужасно! Он ведь простой портной. Но настоящий революционер! Сперва он отбывал ссылку в Тулуне, а потом поселился у нас. Паша его безумно любит! Да и все мы его безумно любим. Честно говоря, если бы не Казимир Францевич, я бы совсем, совсем запуталась в жизни... Теперь-то эсеры и меньшевики сбросили маску. Мне ясно, что они предатели, им нужно задушить во что бы то ни стало дело рабочих и крестьян – революцию! Но понять это мне помог только Казимир Францевич... Когда все было у нас хорошо, он тихонько работал в типографии. Но, когда на город обрушилась беда, многие растерялись и пали духом. А он день и ночь пропадал в штабе добровольной дружины. Организовал отправку молодежи на фронт и сам первый записался добровольцем. Мы с Пашей тоже пошли в сестры милосердия. Вернулись вот с Клюквенского, а о нем ничего не знаем... Паша. Бежит! Боже, да на ней лица нет! Неужели убили?!

Прасковья Дмитриевна подбежала, запыхавшись, обняла сестру:

– Он жив, Анечка! Жив! Жив! Они прорвались на дрезине с Миханошиным и еще двумя красноармейцами. Миханошин ранен в плечо...

Нюю стало неудобно слушать разговор сестер, и он молча отошел от них.

– Успокойся. А то люди смотрят, – сказала Анечка.

– Я не могу собраться с духом... Понимаешь, все меняется!

– Что меняется? Да говори ты яснее!

– Он не едет с нами. Понимаешь?.. Я сама ничего толком не могла разобрать. Или это он сам решил, или ему приказали остаться. Нет, скорее сам! Может, он просто не хотел мне ничего говорить? Но там были только свои... В общем, если он не едет, я тоже остаюсь!

– А я?! – встрепенулась Анечка.

– Ты поплывешь с товарищами. Иначе и быть не может. Не сердись, пожалуйста. Тебе нельзя оставаться. Я не знаю, что нас тут ждет.

– Так я тебя и послушала!..

III

Толкаются чиновники, обыватели, банковские служащие. Никто никого не слушает – каждый молотит свое.

- Разграбят денежки! Это уж точно!..
- Между собой поделят товарищи!..
- Сейчас бы вот наши пришли, да с пулеметами и хотя бы с одной пушкой!..
- Осторожнее, мужик!
- Прет как паровоз!
- А вы што тут глазеее? Спектакль для вас, што ли?
- Глядите! Еще один совдеповец сыскался!

Ной лезет дальше, разворачивая толпу, отпихивает кого-то, и лицом к лицу – Дунечка! Сцепились глазами и смотрят друг на друга, будто узел гатчинский затягивают туже, чтоб не развязался.

– Экая! Чего тут толкаешься?

– Остался! Ну, вот! Я так и думала, когда вещи твои увидела внизу. Ох, как же на меня комиссарша глянула, будто двумя пулями прошила. Сейчас пойдешь по адресу на Гостиную улицу? Тебе надо с кем-то из офицеров встретиться.

– Повременю покуда! А ты – укороти язык, не болтай лишку. Чтоб никто не знал, что я в городе.

– Будешь ждать совдеповцев? Думаешь, они вернутся пароходами с севера? Жди!

– Молчи, говорю.

– Ты таким не был в Гатчине и у Курбатова в Яновой!

– Да и ты в Челябинск еще не таскалась с офицерами.

– Вот еще, прокурор мне! – вздулась Дуня и примолкла на некоторое время.

Рядом два чиновника в буржуйских котелках громко обсуждали недавние события. Один из них восхищался, как белочехи «жаманули красных под Мариинском: с захода в тыл, и – в пух-прах!» А второй с умилением рассказывал про разгром красных на Клюквенском фронте: «Эшелоны перехватили да под откос. А тут орлы Дальчевского с шашками и пулеметчики так здорово поработали – мало кто выскочил из красных живым».

Сейчас бы ковшик холодной воды – охолонуться...

Ной тяжело вздохнул, почувствовал себя разбитым и слабым. Вот как за миллионы ощерились буржуи со своими сотрапезниками!..

– Гляди! – толкнула Дуня. – Пророка Моисея поймали.

– Какой еще пророк?

– Да вон ведут связанного. Если бы ты знал, какой это зверь! С атаманом Сотниковым шел на Минусинск и казнил совдеповцев. Топором в лоб убивал.

Кто-то из толпы ввернул:

– Втюрился пророк! Где его, интересно, схватили?

Трое красногвардейцев с винтовками, ведущие пророка, кричат в толпу:

– Разойдитесь, товарищи!

– Гра-ажда-ане! Дубины берите! Винтовки! – трубно загорланил пророк, пытаясь вырваться от красногвардейцев. – Ча-аво ждете, чудь заморская!.. Золото увозят большаки!.. Хва-атайте их, хва-атайте! Отбейте меня, граждане! Не дайте загубить святую душу! Спасите, зара-ади Христа-а!

Спасители не спешат – глазают, удивляются: до чего же косматое чудище! Рыжие волосы, век не стрижены, свисают ниже плеч, холщовая рубаха до колен, перепоясана кушаком. Черная борода, как метла, по рубахе; следом за пророком двое красногвардейцев вели упитанного,

лоснящегося на солнце рыжего жеребца с необычайно длинной гривой и подвязанным хвостом. Жеребец храпит, нетерпеливо перебирает копытами с белыми бабками. Сойотское седло с кожаной подушкой и низко опущенными узорчатыми стремянами; сумы навешаны, выюк за седлом и топор с длинным топорщиком привязан сбоку седла.

– С Вельзевулом взяли гада! – шипит Дуня.

– С каким Вельзевулом? – переспросил Ной.

– Жеребец его, видишь. На его свист прибежит хоть откуда, если только услышит. Вельзевулом звать. Страшно бешеный, как сам пророк. На этом Вельзевуле он меня силком увез из женского монастыря в Знаменский скит и чуток не замучил до смертушки, гад!

Ной покосился на Дунечку:

– Господи прости! Кто только тебя силком не увозил и не мучил. Хоть бы сама об этом не болтала. Отвратно слушать!

– Гра-ажа-ане! – взывает пророк во все свое бычье горло. – Али все вы тут от сатаны народились? Святого пророка мытарят красные анчихристы, а вы глазеете! Не за вас ли мученичество принимаю? Али вы не верите во-о Го-оспода Бо-ога?! Есть ли, вопрошаю, верующие во Святую Троицу?! – тужился пророк, напрягая свое могучее тело. – Гра-ажа-ане! Пра-авосла-авные! Про-озрейте за-ради Го-оспо-ода!.. Бейте их, красных диаволов! За-абор ломайте, лавки, дубину берите!

Никто из православных граждан, верующих во Христа-спасителя и Святую Троицу, а особенно в земные блага – золото, движимость и недвижимость, в дома, особняки, собственную землю, – не кинулся ломать забор и лавку, чтоб вооружиться дубинами и отбить святого пророка Моисея.

– Ну и горло у него! Чистая иерихонская труба, – заметил Ной.

– Жуть! – отозвалась Дунечка. – Если бы ты послушал, как он дурацкое Евангелие читал среди скитских – аж стекла в окнах дребезжали!

К горланящему пророку подошли трое: Тимофей Боровиков с маузером в деревянной кобуре, еще какой-то товарищ, приземистый, во френче и начищенных сапогах, и Селестина Грива. О чем-то поговорили с красногвардейцами, и те повели пророка вниз по Набережной, и Боровиков пошел следом.

– Комиссарша смотрит на нас! Пусть теперь своими глазами убедится, гадина! – вскипела Дуня. – А еще срамила: «Вы его ногтя не стойте!»

Ной смутился и опустил голову, чтобы не видеть Селестины, бормотнув:

– Помолчи ты за-ради Христа!

– Вот еще! Или стыдно, что ли? Чего ж тогда не едешь с нею? Ага! Не по носу комиссарше – подалась!

Селестина и в самом деле, поглядев на Ноя с Дунечкой, отвернулась и пошла вниз, к пароходам.

Шагов на полсотни красногвардейцы с Боровиковым отвели пророка Моисея, и вдруг раздался пронзительный свист. Дуня заметила: «Вельзевул подзывает, гад!» И в самом деле, рыжий Вельзевул рванулся за косматым хозяином, потащив за собою на длинном ремennom чембуре двух красногвардейцев. Те упирались, но жеребец, храпя и мотая головой, так что грива развевалась, таскал их то в одну сторону, то в другую. А пророк свистит, свистит! Зовет на помощь единственного верного сообщника.

Жеребец скидывал задом, аж подковы сверкали на солнце, и комья земли летели в толпу, потом он вздыбился свечой, и один из красногвардейцев, оторвавшись от чембура, упал наземь и на четвереньках быстро-быстро отполз в сторону, волоча за собой винтовку.

– Вот это жеребчик! – восхитился Ной.

Его будто подтолкнула в спину неведомая сила, кинулся к взбешенному жеребцу, схватился за чембур, красногвардеец, воспользовавшись случаем, бросил повод – и в сторону, к толпе.

Сила на силу сошлась. Вельзевул вырывался, таская Ноя за собой, отпичиваясь к толпе, и зеваки, давя друг друга, отбегали кто куда, а Ной, повиснув на чембуре, укрощал коня:

– Тих-хо! Тих-хо, дьявол! Я т-тебе да-ам, ужо! Я т-тебе дам!

– Убьет, убьет мужика!..

– Ноой! Нооой! Брось его – убьет!

– Паааагодь, дьявол! – басит Ной, таскаясь за конем во все стороны, вздымая бахилами пыль на площади.

– Взбесился, точно!

– Пена-то! Пена-то с кровью, смотрите!

У Ноя до предела напряглись мышцы во всем теле, глаза застилает пот, дышит он тяжело, прерывисто, но держит Вельзевула за чембур, хотя жеребец все с той же силой бьет задом и таскает его то в одну сторону, то в другую.

– Убьет мужика. Убьет!

– Отпусти его! Отпусти! – кто-то пронзительно визжит. – Не твой – отпусти за хозяином! (В этом все дело: «Не твой – отпусти за хозяином!»)

– Не вырвешься! Не-е-е вырве-ешься, дьявол! – рычит Ной и кулаком бьет по храпу Вельзевула.

– Не бей! Не бей коня. Не твой – не бей! – вопит какая-то сердобольная дамочка.

Один из красногвардейцев вскинул винтовку:

– Бросай, мужик! Пристрелю его!

– Не смейте стрелять! Не смейте! – теперь уж хором орут господа интеллигенты.

– Паааааааагооодь! – натужно выдыхает Ной и еще раз бьет жеребца по храпу.

– Нооой! Брось его! Брось! – вопит Дунюшка, не на шутку испугавшись.

Дуня не видела, как Ной успел перекинуть сыромятный чембур через голову осатаневшего Вельзевула и, ухватившись за длинную гриву и шею, взлетел в седло, не коснувшись ногою стремени. Толпа ахнула в сотни ртов.

– Надо же так, а?!

– Вот это мужичище! – кто-то восхитился рядом с Дуней.

Вельзевул взмыл вверх, танцует на задних ногах, а потом давай кидаться всем своим мощным телом из стороны в сторону, чтобы сбросить непрошеного всадника, а Ной, задирая ему голову, бьет под брюхо задниками бахил, приговаривая:

– Тих-хо, дьявол! Тих-хо, грю! Тих-хо-о!

Вельзевул еще раз свечой взмыл, протанцевал на задних ногах, а потом давай выписывать круги по площади. Слышался со всех сторон истошный вопль зевак. Ной успел сунуть ноги в стремя, поддал пятками под брюхо жеребца, передернул раз пять удилами, раздирая пасть, и жеребец, задрал голову, рванул по Дубенскому переулку бешеным галопом. Ной будто впаялся в седло, припав к шее, натянул картуз до бровей и давай нахлестывать Вельзевула длинным чембуром, как будто хотел взлететь в небо. Дубенским переулком промчался до Благовещенской и вдоль по улице – только дома мелькали и в ушах свистел ветер. Проскочил площадь с огромным белым собором, какие на Руси считают по пальцам. С Благовещенской Ной повернул по Плац-Парадному переулку вниз, под горку, и, все так же нахлестывая и поддавая задниками бахил под брюхо Вельзевула, задирая ему голову, проскакал мимо краснокирпичной тюрьмы за высокою стеною и кандалным Московским трактом за город. С Вельзевула ключьями летела пена. Верстах в пяти от города жеребец начал сдавать, перешел на рысь, а Ной все еще вздергивал ему голову вверх, потом свернул с дороги в березняк, поехал шагом, чтоб сердце лошади вошло в нормальный ритм. На одной из полянок между березами спешился,

накрутил на руку сыромятный лосевый чембур и трахнул Вельзевула кулаком в лоб в продольную белую звездочку наподобие погона. Жеребец всхрапнул, попятился, а Ной еще ему подвесил в скулу и другую, натягивая чембур вниз:

– Ложись, говорю! Ложись, дьявол!

Дрожа всем телом, мотая башкой, жеребец опустился на передние колени; а человек требует, чтобы он лег, еще ударил по храпу – Вельзевул повалился на бок. Взмыленное брюхо его вздувалось, и все тело дрожало, как студень.

– А! Уразумел, дьявол, что сила на силу сошлась? – Ной потрясал кулаком у кроваво-красных глаз Вельзевула. – Чтоб сей момент был тише воды ниже травы! Или я тебя так ухайдакаю – шкура не в мыле будет, а кровью зальется. Также! А теперь вставай. Живо! Вельзевулом звать? Ладно. Пушай будешь Вельзевул.

Жеребец поднялся на дрожащие в коленях ноги; весь ходуном ходит, по удилам кровь течет.

Ной сменил гнев на милость. Погладил Вельзевула по храпу и мокрой шее, приговаривая:

– Быть бы тебе упокойником, дьявол, кабы я не подоспел. А теперь служи мне, говорю. Хозяина твоего шлепнули.

Стоит рыжий Вельзевул возле здорового рыжего человека, притих, не всхрапывает – норы в копыта спустил. А человек что-то медлит, вздыхает. Задумался крепко.

«Как-то еще со мной обернется!» – кряхтит Ной.

Может, бежать? Куда? В какую сторону?

Фыркнул Вельзевул, прочищая продухи. Ной погладил его по мокрой шее, удивляясь, до чего же мощный жеребец, много крупнее генеральского – неизвестно каких кровей – может, и в самом деле от сатаны народился, коль нарекли Вельзевулом?

– Вельзевул! Вельзевул! – бормотал Ной, приваживая к себе жеребца. – Таперь ты мой, выходит. Только куда на тебе скакать? Под закат или восход? И закат кровью обливается, и восход с кровью начинается. Эко седло, гли!

Внимательно рассмотрел подгрудную подпругу в ладонь шириной, отделанную серебряными бляшками. Да и седло не из простых. Такие Ной видел у баев-сойотов в Урянхэе и в Аскизе, недалеко от Таштыпа. Луки седла из вязкой березы с серебряной отделкой, с кожаной подушкой и коваными стремянами, отпущенными длинно – в аккурат по ногам Ноя.

Привязал Вельзевула на выстойку под березой, расседлал. Под седлом был отменный потник, простроченный квадратами замшевой кожей. Слева к седлу в чехле привязан топор на длинном топорище, и осиновый крест тут же на пеньковой веревке. Вот уж диво-то! К чему экий крест? Что он обозначает? Понять не мог. Отвязал от седла и бросил подальше от березы. В тороках – выюк в брезентовом дождевике, а во выюке – романовский полушубок, черная ряса, монашеский клубок, замусоленная книга «Четьи-Минеи»; в сумках – кусок сала, фунтов пять, булка хлеба, охотничий нож, деревянная ложка, соль в мешочке, солдатский котелок, скрутки вяленого звериного мяса, фляга с самогонкой, как подумал Ной, понюхав, револьвер в кобуре, два туса со сметаной и медом, калачи, алюминиевая кружка и три куса сахара по кулаку каждый. Запасливый был пророк. Вот еще суконное одеяло, офицерские новые брюки, гимнастерка, хромовые сапоги. Не сапоги, а сапожищи. По подошве еще новые – деревянные шпильки не затерты. Тут же черная рубаха с косым воротником, смена белья и портянки из тонкого холста, и... Евангелие.

Ной все это сложил под березой, разглядывал так и сяк, потом насытился продуктами пророка, выпил сметану из туса и растянулся на потнике.

IV

Привиделась ему бездна, каких немало в Саянах вверх по Енисею, где не раз охотился на тяжелого зверя. Он шел куда-то по тропе, оступился и полетел в бездну, аж сердце оборвалось.

От страха Ной проснулся, бормотнув: «Господи помилуй, к гибели, што ль, экое?» Прямо перед ним переплетались сучья березы, висели зеленые серьги. Листва на березе пошумлиwała – дул слабый ветерок. Подтянув ноги, Ной сел под березой, прислонившись спиной к теплому стволу.

Понимал – времени осталось на малую разминку. Солнце катилось по запыленной грани. Может, завтра спросится за сводный полк, за Гатчину, за Смольный, за собеседование с Лениным и за генерала Краснова? Дальчевский-то с Новокрещиновым будут в Красноярске! Они ему не простят ни митинга, на котором он, председатель, приказал разоружить генерала, ни разгрома женского батальона, во всем будет виноват один хорунжий Ной Васильевич Лебедь...

«Стал быть, жизнь подвела к обрыву, – думал Ной. – Пихнут ногой в зад, и кувыркнушь в ту пропасть».

Чтоб не лезли в голову отвратные мысли, взялся за седло. И так и сяк рассматривал, нечаянно нажал на какую-то пружинку у основания задней луки. К чему такая пружинка? Потряс в руках седло – глухой звон послышался. Что-то запрятано в луках будто. Еще раз нажал на пружинку и с силою потянул на себя серебряную окову луки – открылась. Тайник! Вот так штука! Тайничок прикрыт грязною тряпичкой. Вытащил ее прочь и тут увидел золотые кругляшки. Вытряхнул из тайника золотые и то же самое проделал с передней лукой. Золото поблескивало между его ног на замшевой накидке потника. Пересчитал – пятьдесят восемь золотых пятнадцатирублевиков! «Вот те и на! – ахнул Ной, и карие глаза его сияли, как золотые империалы. – Восемьсот семьдесят целковых!.. Экий пророк был припасливый, а?! Собственный банк при себе держал. И как ловко устроено. Не нажми я пружинку нечаянно, так бы и осталось в луках. Нет ли еще где заначки?»

Ной долго разглядывал седло, постукивал, потряхивал, а потом обратил внимание на простроченные квадраты в шагреновой коже поверх потника. Прощупывая каждый квадрат, нашел-таки подозрительные утолщения. Нож в руки, отпорол кожу с одной стороны потника, и тут обнаружили в суконной подкладке, пристроченной к коже, специальные кармашки для денег. Так прячут деньги только богатые кочевники-сойоты в Урянхае! Бумажные купюры николаевских денег спрессовались, слепились, и Ной разнимал их осторожно ножом, чтоб не порвать. По всему, пролежали в тайнике немалое время. В некоторых кармашках обнаружили иноземные бумажные деньги, а какого государства, Ной не знал. Может, китайские или японские? Турецкие, болгарские, французские, германские и австрийские деньги видел, а таких не держал в руках. Да и знал ли сам пророк про тайник? Деньги давнего выпуска. Некоторые 1874, 1887, 1890 годов! «Скорее всего, пророк кого-то умилиствовал своим топором, а седло с потником забрал себе, – соображал Ной. – Иначе как бы они этак склеились от конского пота?»

Царские купюры пересчитал: шесть тысяч рублей «николаевков» – богатство!.. Да еще иноземных сколько?

«Разбогател я, якри тебя! – обрадовался Ной. – Золотые-то надо в седло запрятать».

Думая так, Ной разулся и стащил с себя холщовые шаровары, натянутые поверх новехоньких казачьих с желтыми лампасами. В карманы кителя насовал бумажных денег, раздулся хорунжий Лебедь!.. В брюки сунул наган пророка – на всякий непредвиденный случай. Из брезентового мешочка взял горсть наганных патронов. И вдруг вспомнил: день-то сегодня особенный! Как по-старому – пятое июня, а по-новому – восемнадцатое. По-старому – среда, а

по-новому – вторник. Ной живет по-старому! И что именно пятое июня – день его рождения, двадцать восемь лет исполнилось! «И в сам деле, в рубашке родился! Вот тебе и «крестовая ладонь», – вспомнил пророчества бабушки, сворачивая выюк с пожитками пророка. В этот же выюк уложил свои старые холщовые шаровары. Теперь он в кителе, казачьих брюках и вместо бахил – сапоги пророка натянул. В самый раз, будто на его ногу сшиты!.. Хромовые, с накатными зубчатыми рантами отменной работы. Только шпоры пристегнуть, шашку подвесить к левому боку да револьвер в кобуре, и – пжалста, хорунжий! Да еще этакий жеребец у него, нечаянно приобретенный. Этакий жеребец, а? Плотнее упаковал в луках золотые, чтоб не звенело охальное золото! Ни к чему звон – тихо надо!..

– Тихо надо! – громко сам себе сказал Ной, заметно повеселев, будто хватил ковш браги. – Теперь провернуться бы, да через голову не кувыркнуться. А там поморокуем.

– Бом! бом! бом! бом!

Ной прислушался, глядя в сторону города. Над головою плыло перистое облако, растекаясь по голубому небу текучей серебряной пряжей.

– Бом! бом! бом! бом!

Плывет, плывет над пространством набатный гул колоколов.

– Может, пожар? – тарашился Ной, но ничего не высмотрел – далеконочко. Моментально оседлал Вельзевула, даже не протерев проступившей соли на его высохшем мощном теле.

V

Лупят, лупят железные языки в бронзовое литье вместительных утроб колоколов Покровского собора, созывая люд на великое торжество изгнания красных.

На железной дороге пронзительно свистят паровозы, на одной ноте протяжно гудит механический завод, где-то за Енисеем басовито тужится лесопилка.

По трем главным улицам – Воскресенской, Гостиной, Благовещенской лихо промчались из конца в конец пьяные торгашинские казаки, оповещая горожан, чтоб все шли к собору на Ново-Базарную площадь и на вокзал встречать прибывающий с востока эшелон казаков и солдат во главе с полковником Дальчевским.

– Поспешайте, поспешайте! С хлебом-солью! На площадь, на вокзал! Слышьте! А которые красные – на тот свет сговлаивайтесь. Моментом спровадим! Совдеповцев и большевиков указывайте, не укрывайте!.. За укрытие большевиков – расстрел!..

Улицы города, доселе тихие, настороженные, постепенно ожили – мещане и обыватели, оглядываясь друг на дружку, сперва высыпали на тротуары, а потом подались к Ново-Базарной площади.

В пятом часу вечера к губернской тюрьме прискакал с напех собранными красноярскими казаками атаман Бологов, чтобы освободить доблестных патриотов. Возле тюрьмы успели собраться родственники заключенных, друзья и разные радетели, не в малой мере поработавшие для подготовки восстания против Советов.

Начальник конвойной службы с красногвардейцами, прихватив все оружие, успели уйти на последний пароход, надзиратели разбежались. К тюрьме был вызван духовой оркестр театра, чтобы торжественно встретить многострадальных патриотов отечества.

Народу становилось все гуще и гуще.

В это время к тюрьме подъехал Ной. Завидев толпу, задержался. Вельзевул всхрапывал, мотая гривастой головой, бил копытами. «Посторонись!» – попросил Ной. Толпа медленно разваливалась, давая дорогу. Казак ведь! Хотя и без шашки и плети, но штаны-то с лампасами. Кто-то из казаков окликнул:

– Ной Васильевич!

Ной вздрогнул. И кого же он видит? Вихлючий комитетчик Михайло Власович Сазонов!

– Ах ты, якри ты, Ной Васильевич, живой! Ажник глазам не верю. И жеребца генеральского не оставил?! Ой, до чего же ты башковитый! Я-то, грешным делом, подумал в Гатчине, што ты останешься в той новой Красной Армии, будь она треклята. Извиняй.

Ной глянул на бывшего комитетчика пронзительно и ничего не сказал. По толпе пронеслось: «Идут! Идут!»

Тюрьма распахнула ворота...

Жулики и налетчики, спекулянты и воры из первого и второго корпуса выбежали на волю первыми и, дай Бог ноги, кинулись в разные стороны.

Первыми из политических вышли из тюрьмы – полковник Ляпунов в шинели, начищенных сапогах и папахе – арестован-то был в морозы, а за ним в шинели подполковник Коротковский и тоже в папахе, полковник Розанов, прокурор Лаппо в добротной шубе и шапке, подполковник Каргаполов в бекеше и шапке, с чемоданом и мешком в руке, доктор Прутов с саквояжем, в английском пальто и шляпе, офицеры, за ними долгогривые попы, семинаристы и прочие, причисляющие себя к пострадавшим от красного террора.

– Патриотам отечества – урррааа! – заорал Бологов, и сразу же духовой оркестр рванул вальс «На сопках Маньчжурии». Гимна еще не было, знамени также, ну а исполнить последний царский гимн «Коль славен наш господь в Сионе» никто не отважился.

Бологов еще раз подкинул:

– Патриотам отечества – урааа!

– Урааа!

– Бом! бом! бом! – доносился набат большого колокола собора.

Освобожденные обнимались с женами, родственниками, друзьями; толпа ревела. Бологов приказал некоторым казакам отдать коней многострадальным патриотам, чтобы ехать на вокзал и встретить там прибывающий с востока эшелон Дальчевского.

«Патриоты отечества» не без помощи казаков сели в седла; Ляпунов, сняв папаху, провозгласил:

– Да здравствует свобода!

Из толпы подхватили:

– Свобода, свобода!

Ляпунов продолжал:

– Господа! Свершился долгожданный переворот! Красный дьявол большевизма опрокинут навсегда! Урррааа!

– Ааарррааа!

– Да здравствует Сибирское правительство! – во всю глотку выкрикивал Ляпунов, приподнимаясь на стремянах. – Недалек тот день, господа, когда по всей России будет установлена демократия народного правительства во главе с нашей партией социалистов-революционеров, и каждый гражданин великого отечества почувствует...

Ляпунов не успел сказать, что почувствует каждый «гражданин великого отечества», как произошло непредвиденное: торгашинские казаки под командованием старшего урядника Кузнецова и монархистствующие граждане города, вооруженные кто чем, подогнали толпу арестованных мужчин и женщин; все они были избиты.

– Дооорогу! Расступись! – орал пьяный вислопечий урядник, размахивая плетью. – Большевиков гоним.

Старший надзиратель Попов сообщил:

– Господа! В тюрьме нет надзирателей! Ни начальника, ни охраны тюрьмы.

Наступила заминка – куда же определить арестованных?

Кто-то из сообщников казаков заорал:

– Самосудом кончать их!

– Самосудом!

У Ноя по заплечью продрал мороз: вот и волюшка со свободой подросла, господа серые! Но – молчок! Он находился рядом с казаками атамана Бологова, хотя сам Бологов еще не видел его; занимался чествованием «многострадальных патриотов».

На заплотах и крышах соседствующих с тюрьмой домов гроздьями висели любопытные: невиданное дело – ворота государевой крепости открыты.

– Никаких самосудов, господа! – крикнул Ляпунов. – Мы не большевики! У нас будет законность и порядок.

Старший урядник Кузнецов рывком повернул своего коня, гаркнул:

– Кто такой будешь, стерва? Сицилист? Какие даны тебе права, чтоб речь говорить от правительства? Мы за царя, стерва! А не за дранных сицилистов! – И завернул матом.

– Ма-алчать! – прикрикнул атаман Бологов. – Перед вами полковник Ляпунов, управляющий губернией и начальник Красноярского гарнизона.

– А ты што за шишка, гад? Слышите, казаки, сицилисты выползли из тюрьмы и этих большевиков покрывают. В шашки большевиков! Ррубить, рубить гадов! У нас своя власть – казачья! В шашки!

Бологов рванул коня в сторону, а за ним полковник Ляпунов и другие. Полковник визгливо выкрикнул:

– За учиненный самосуд под трибунал пойдете!

– Под трибунал! Погодь, стерва, мы ишшо покажем тебе трибунал! – взревел пьяный урядник и, выхватив шашку, – только сталь сверкнула, – рубанул одного из арестованных. Раздался истошный вопль. Ной и сам не мог объяснить, как и почему он бросил своего Вельзевула на урядника, едва не сбив его вместе с конем, и, схватив за руку, крутанул, вырвал шашку, а другой рукой слева нанес ему такой сильный удар в грудь, что тот вылетел из седла, задрал ногу в стремени. Вельзевул кусал в шею и уши урядникова коня.

– Ка-аза-аки! – заорал Ной громовым басом. – Шашки в ножны! Живооо! Или крови взалкали?! Приказано не чинить самосудов – сполняйте, чтоб головы ваши целы были!

Торгашинские казаки один за другим кинули шашки в ножны.

И тут очумевший от страха атаман Бологов узнал всадника.

– Конь Рыжий! – вскрикнул он удивленно и к полковнику Ляпунову: – Это хорунжий Лебедь, господин полковник. Наш человек. Мы его ждали из Минусинска (Бологов вовсе не ждал приезда хорунжего). Бывший председатель полкового комитета сводного Сибирского полка, которым командовал полковник Дальчевский. Когда немцы двинулись на Петроград, хорунжий Лебедь распустил полк в Гатчине, и мы встретились потом в Самаре, когда он бежал из Петрограда.

(В Гатчине все было не так, и это прекрасно знал Бологов, но он не мог сказать, как было в Гатчине и Петрограде – у самого рыльце в пушку: это он втравил в восстание женский батальон и минометный офицерский отряд без поддержки со стороны 17-го корпуса, а когда заговор в Пскове был раскрыт, на первых же допросах Бологов назвал все фамилии «центра союза», чем и спас собственную шкуру.)

Урядник Кузнецов, сбитый с коня, все еще орал:

– Братцы! Казаки! Рубите гадов сицилистов!..

К хорунжему Лебедю снова подъехал Сазонов.

– Ной Васильевич! Ах ты, якри ты! Ловко ты урядника-то!

А вот и полковник Ляпунов, а с ним – лицо гражданское, в шляпе и в господском пальто, черная борода, аккуратно подстриженная, с тщательно выбритыми щеками, и еще человек во френче и шинели внакидку, в папахе.

Все трое пристально разглядывали Ноя от сапог, казачьих брюк и до его нетерпеливо перебирающего копытами жеребца. Спрос начал Ляпунов:

– Хорунжий Лебедь?

– Так точно. Лебедь Ной Васильевич. Из Таштыпской станицы Минусинского казачьего округа.

Подъехал еще один офицер во френче с расстегнутым воротником; простоголовый, глазастый, цепкий.

– Давно из Таштыпа? – продолжал Ляпунов.

– Сегодня приплыл на пароходе «Россия».

– Вот как! И вы так вот приехали в казачьем обмундировании, с конем?

Ной сказал, что он ехал, переодевшись мужиком – шаровары, бахилы, как бы на базар торговать мукою, маслом и медом. Была ли попытка со стороны патриотов захватить пароход «Россия»?

– Пароход обстреляли на пристани Новоселовой, а пристань подожгли. Склады с дровами, а потом и вся пристань пылала. Мы дрова грузили ниже Новоселовой, а на подходе к городу со стороны скита еще раз нас обстреляли.

– Служили в Гатчине в сводном Сибирском полку?

Ной сразу выложил: прибыли в Петроград тогда-то. Это может подтвердить присутствующий здесь член полкового комитета Михаил Власович Сазонов. Два стрелковых батальона, влитые в казачий полк, сразу приняли сторону революции и сражались с юнкерами и солдатами Семеновского полка. По тому, как внимательно слушали офицеры и казаки, Ной сообразил: надо сразу же сказать обо всем без утайки; комитетчик Сазонов здесь, самый вихлючий и болтливый; он молчать не будет, да и Бологов – сейчас дует в одну сторону, завтра повернется спиной к Ною.

За каких-то три-четыре минуты Ной выложил все, что произошло, уповав на Господа Бога и на непредвиденно счастливый случай, который помог ему предотвратить кровавую расправу над арестованными. Кто знает, может, и другие казаки вслед за своим командиром помахали бы шашками, и тогда неизвестно, кто остался бы в живых из сотрапезников полковника по тюрьме.

Это было совсем не то, что сказал Бологов, но смекалка Ноя на этот раз выиграла.

Господин в шляпе (это был доктор Прутов) поинтересовался:

– И как держал себя Ленин при разговоре с вами? Агитировал за мировую революцию?

– Того не было, извиняйте, – опроверг Ной. – Вот здесь член комитета Сазонов помнит. Ленин говорил про мир с Германией, чтоб как можно скорее подписать, потому Россия изматерилась и нету армий, пригодных к наступлению на немцев. Еще спросил у меня: готов ли наш сбродный полк к наступлению на немцев? Я сказал: «С нашим полком бежать можно только от Гатчины до Вятчины».

Господин в шляпе захохотал, а вслед за ним и полковники с казаками, а Ной закончил:

– Так и случилось. Когда мы с комитетом вернулись из Смольного – полк разбежался. Вот и оголилась Гатчина, а потом в Москве услышал: немцы двинули армии на Петроград.

Один из офицеров (подполковник Каргаполов) вкрадчивым медоточивым голосом поинтересовался:

– Надо думать, господин хорунжий, поскольку вы принимали участие при разгроме войска генерала Краснова и своим комитетом удержали полк от восстания...

– Бессмысленного восстания, – перебил Ляпунов.

– Разумеется! – согласился Каргаполов. – При тех обстоятельствах, какие тогда сложились, восстание было бы бессмысленным, пагубным для всего полка. Но я не о том. Я хочу спросить хорунжего (коль ему выпала честь беседовать доверительно с лидером большевиков Лениным): не было лично вам предложено служить в Красной Армии? Они же не могли не заметить вас, как опытного офицера из казачьей массы!

И еще раз Ной оказался под перекрестными взглядами со всех сторон, будто под обнаженными шашками. Если соврать – поверят ли? Головы-то штаб-офицерские! Не хорунжие и не урядники. А именно от них зависит будущее Ноя: в тюрьму идти или остаться на воле.

– Такого предложения не было, потому как полк весь развалился. Какой же я был бы командир полка!

Тут и Сазонов подал голос:

– Доподлинно так. Казаки мы, сказали Ленину, и за казаков стоять будем, и в партию большевиков не пропишемся.

Офицеры, оглянувшись на тщедушного Сазонова, поинтересовались:

– А разве вас просили «прописаться в партию большевиков»?

Ной опередил Сазонова, чтоб тот не брякнул лишнего:

– Того не было. В партию не звали, но весь полк и особенно комитет находился под постоянным наблюдением комиссара, а так и других большевиков.

Полковник Ляпунов обратился к своему окружению:

– Господа! Я думаю, за искренность хорунжему Лебедю и за то, что он предотвратил кровавый инцидент, мы должны вынести благодарность.

– Безусловно! – сказал господин в шляпе.

– Благодарю вас от имени военного гарнизона, господин хорунжий, за проявленную находчивость и смелость. Прошу, атаман, оружие арестованного урядника – шашку и револьвер – передать хорунжему Лебедю. Я лично рад, что вы прибыли в Красноярск в данный исторический момент, и командир казачьего полка, полковник Розанов, надеюсь, зачислит вас в свой полк. – Ляпунов оглянулся на одного из офицеров и дополнил: – Назначаю вас с сего дня, господин хорунжий Лебедь, командиром особого Красноярского эскадрона для охраны города и вокзала. Полковник Розанов и атаман Бологов подберут для эскадрона надежных казаков.

– Есть подобрать казаков! – отозвался Бологов, довольный, что командующий Красноярским военным гарнизоном назвал его атаманом.

Между тем арестованные горожане, пользуясь случаем, разбежались кто куда.

VI

Чужая шашка в ножнах, чужой наган в кобуре на офицерском ремне под кителем, чужое золото в луках седла и крупные деньги в кармашках потника и в карманах кителя, чужой конь под седлом с чужими сумами и выюком в тороках, а своя шкура – целехонька, и, шутка ли, командиром особого эскадрона назначен! Правда, покуда весь эскадрон Лебедя на четырех копытах Вельзевула, но минет день-два, и копыта приумножатся вдесятеро. Все покуда складывается непредвиденно хорошо, как и не думалось. Ему бы полковнику Дальчевскому и генералу Новокрещинову руки укоротить!.. Ну да у него теперь надежный заслон: Ляпунов со своими штаб-офицерами и господин еще в черной шляпе.

Выдался удивительно погожий вечер после знойного и суетного дня; небо было совершенно чистым, будто красные выстирали его, прежде чем покинуть город.

Ной ехал в арьергарде обочиной улицы за казаками – ни к чему вылазить, а впереди полковники, офицеры. Вскоре к Ною подъехал какой-то офицер во френче, застегнутом на две нижние пуговицы, узколицый, русоголовый и большелобый, с пронзительным взглядом прищуренных серых глаз. Он хорошо держался в седле на караковом казачьем коне и некоторое время так взыскивающе поглядывал на хорунжего, точно просвечивал его насквозь. Ной хотел оторваться от офицера, но тот остановил:

– Попридержите жеребца, хорунжий Лебедь. Мы их потом нагоним.

Что еще за шишка? И сколько у них шишек? Ни погон, никаких знаков отличий нет. Разберись тут! Вроде полковник Ляпунов за главного?

– А вам везет, хорунжий! Считайте, что заручились поддержкой триумvirата полковников. Да и я симпатизирую вам. Будем знакомы: капитан Ухоздвигов, Кирилл Иннокентьевич, начальник политического отдела. Иначе говоря, начальник контрразведки. Знаете, что это такое? По фронту? Ну, не совсем то! С вами не знакомилась ВЧК у Держинского в Петрограде?

– Господь миловал, – вздохнул Ной, враз уяснив, что за новая фигура предстала перед ним: начальник губернской контрразведки! Экий глазастый капитан! Вот его-то и опасаться надо: если из контрразведки прилипнут – беды не оберешься. Как пиявки, сволочи.

– А вы хитрец, хорунжий! – сказал капитан, кособочась в седле. – Не случайно генерал Новокрецинов называл вас «красным конем Совнаркома». Вы и в самом деле приплыли сегодня из Минусинска на «России»? Как же вас не задержали военные власти? Ну, голубчик, во что бы вы ни вырядились, казак из вас выпирает из любых шаровар. Да еще с таким жеребцом, седлом и сумами!.. Было другое! Сказать? – И так-то сверкнул глазами, что у хорунжего холодок прошелся за плечами. Ну и глазастый, дьявол. – Не будем врать друг другу. Условились?

Ной невнятно пробормотал, что врать он не сподобился.

– А что про пароход-то вы сочиняете! – хохотнул капитан. – На «России», хорунжий, вы были красный! Не так ли? Минусинские власти вспомнили про вас в самый последний момент, когда под Красноярском сложились трудные обстоятельства. Вызвали и без лишних слов направили в Красноярск. А приехали вы к шапочному разбору – ни фронтов, ни сражений, бегство на север! А вы не из тех, которые кидаются из огня да в полымя. Не правда ли? – На этот раз капитан расхохотался, покачиваясь в седле, а Ною было не до смеха. Под пятки вывернул, лобастый гад!

– Ну, что скажете?

Ною нечего было сказать – отдыхивался.

– Вот так-то, Ной Васильевич. Но это между нами, так сказать «тет-а-тет», иначе вам не миновать фильтрации. Какой? Всех, кто служил Советам, будут отмывать от красного, а у вас и борода красная. Пришлось бы бороду начисто отхватить! Но, как видите, даже министр внутренних дел Сибирского правительства доктор Прутов к вам благоволит. Так что считайте – провернулись... на первое время! – предупредил капитан.

Ной напряженно слушал и помалкивал.

– Кстати, – продолжал капитан, – «Россию» должны были захватить в пути следования. И не с пристани, а на пароходе. Там ехали три офицера. Что с ними случилось, не припомните? – И так-то пронзительно посмотрел.

Ной поднатужился. Ну, лобастый черт! Что же ему сказать? Этому не соврешь – насквозь видит.

– Комендант арестовал трех мужиков, слышал. Будто бы артельщики-сплавщики. Один из них пытался бросить бомбу в машинное отделение, тут его и схватили. При обыске у его дружков отобрали еще бомбу и оружие.

– И вы приказали расстрелять их?

– На то был военный комендант с красногвардейцами.

– Ну Бог с ними! Вечная им память, как говорят. Я вас о них не спрашивал, и вы мне ничего не говорили. Так будет лучше, хорунжий. И вы, конечно, не спешили в Красноярск на помощь красным, а ехали по вызову атамана Бологова. Впрочем, он такой же атаман, как я тиароносец.

У Ною даже спина взмокла – до того разделал его капитан! Куда он еще повернет? Не арестует ли? Это же контрразведка!

– У вас есть закурить?

– Некурящий, извините.

– Хочу предупредить, хорунжий. Хотя вам и оказана поддержка полковников, но впереди у вас – Дальчевский и Новокрептинов! Это зубастые акулы. Генерал, как я его великолепно помню, законченный кретин. А у кретинов, когда они у власти, одна молитва: «Расстрелять! Посадить в тюрьму! Повесить!» – каждого инакомыслящего или в чем-то запятнавшего себя перед строем и властью, которую олицетворяет его преподобие кретинов! Это опасно, хорунжий. И не только для вас, но и для всех мыслящих и порядочных людей. Много веков кретины, подобные Новокрептинову, кастрируют Россию без жалости и милосердия. От Ивана Грозного до Николая Александровича, бесславно павшего, Россией правили кретины, и не потому ли держава оказалась у разбитого корыта? Где как не у нас, хорунжий, безжалостно уничтожались люди мыслящие, составляющие гордость нации? Кандальные тракты, тюрьмы и тюрьмы, каторги по всей Сибири! Молчите? Бойтесь сказать! Закурить бы! – снова вспомнил капитан. – Подождите, хорунжий! – увидев кучку глазающих горожан, подъехал: нет ли у кого табачку?

Капитана угостили пачкою папирос, присовокупив:

– Спасибо вам, господин офицер, за освобождение от разбойников-большевиков!

– От разбойников? – переспросил капитан. – А вы все еще живые? Как же разбойники не прикончили вас, господа?

– Обошлось, слава Христе! Ежли засиделись бы товарищи – всех бы перевели.

– Прочь, ва-арвары! – вдруг взревел капитан. – Не собираться толпами!.. Прочь!..

Кучка городских обывателей, не ожидавшая такого поворота, моментально посыпалась от офицера во все стороны.

– Видели? Большевики для них разбойники, хотя никто из этих варваров не потерял при Советах ни единого волоса с головы. Обыватели и мещане – оплот любой тирании. При их молчаливом согласии можно вешать и расстреливать на улицах, и никто даже носа не высунет из бревенчатых стен. Ко всем чертям! Ненавижу подобную породу людей! Эх, пропустить бы сейчас рюмашку! Ведь не из гостиницы – из тюрьмы вылез, черт возьми-то!

Ной вспомнил, что у него в сумках имеется фляга самогонки.

– Что же вы молчали? Давайте же флягу! Ну, патриарх казачий! С вами жить можно.

Ной достал из сумы скруток вяленого мяса, калач, флягу подал капитану. Ухоздвигов вытащил пробку, понюхал, помотал головой, еще раз понюхал, потом попробовал и расхохотался:

– Шутник вы, однако, хорунжий! Это же отличный российский коньяк! Бог мой!.. Надо же, а? Коньяк! Шустовский!.. Уж я-то разбираюсь в коньяках. Ха, ха, ха! Воистину воскрес! – Отпил несколько глотков. – Ну, приобщайтесь к дарам Господним.

Ной на этот раз не сказал, что он «непотребляющий» – фляга-то из его сумы! И кстати вспомнил:

– Прихватил с собою, как сегодня у меня день рождения.

– Seriously?

– Двадцать восемь лет исполнилось.

– Что ж, поздравляю! А здорово вы тогда на митинге вернули казакам про Ноев ковчег! И волны нас хлещут, и ветры бьют, а нам надо плыть, чтобы почувствовать под ногами не хлябь болотную, а твердь земную. Долго еще нам плыть, голубчик, до тверди земной!..

Ной едва промигивался. Откуда он знает про митинг? Вот это «начальник губернской контрразведки»! Или он прощупывает печеньку Ноя?

– Все, мною сказанное, – сугубо между нами, хорунжий, – строго предупредил капитан. – Если кому из офицеров расскажете – радости мало будет. Учтите!

Ной успел за малый срок многое «учесть»; понял: хотя под ним седло не горит, но может и вспыхнуть.

– Держитесь на вокзале подальше от передней линии. Не попадайтесь на глаза Дальчевскому. Дальчевский – мстительный, о Новокрецинове я уже сказал. А что вы мало пьете ради собственного дня рождения?

– Мне пить много нельзя. Натура не принимает.

– Сочиняете! При вашей комплекции бочка рома не свалит с ног! Эх, сегодня бы нам, после встречи эшелонов, закатиться в «Метрополь». Да в кармане у меня пусто. Не одолжите тридцатку на два-три дня?

– Да хоть пятьсот, – бухнул Ной, и не без умысла. До него дошло с головы до пяток: если он заручится поддержкой капитана Ухоздвигова, то уж, верное дело, голова будет целехонька... хотя бы на сегодняшний день!

– Керенскими?

– Николаевскими.

Капитан прищурился, взъерошил пятерней кудрявившиеся волосы:

– Давайте!

Ной достал пачку денег, деловито отсчитал и передал капитану. Тот посмотрел – настоящие ли? И сунул в карман.

– Пейте! – передал Ной флягу, наполовину опорожненную. Ной удивился: почему капитан не пьянеет? Ведь огонь, огонь пропускает внутрь!.. Выпил, ладонью по губам, и, передавая флягу сотрапезнику, сказал, будто завзятый знаток вин и коньяков:

– Не хуже «Мартини», господин капитан.

– Хо, хо, «Мартини»!.. «Мартини» – это кислые французские сопли, выдержанные в... – Капитан употребил такие слова о красавицах француженках, что у Ноя рот открылся.

Ехали, прикладывались к фляге, далеко отстав от эскорта.

– Кстати, о чинах, хорунжий! – сказал капитан. – Мой самый высший чин – поэт! В поэзии душа России, ее сердце, печали и радости. Не царствующие особы восславляли Россию, а Пушкин! Был еще Гавриил Державин, Некрасов, Крылов или вот Алексей Кольцов:

Сяду я за стол —
Да подумаю:
Как на свете жить
Одинокому?..

А? Каково? Нищие мы духом без поэзии, хорунжий. Нищие и сырые! Если бы не поэзия, я бы пустил себе пулю в лоб! Да-с! Ведь: «И скушно и грустно! – и некому руку подать в минуту душевной невзгоды!..» Это сочинил поручик Лермонтов. Не сладко ему жилось под дланью венценосца! А Гавриил Державин?

...Скользим мы бездны на краю,
В которую стремглав свалимся;
Приедем с жизнью смерть свою,
На то, чтоб умереть, родимся.
Без жалости все смерть разит:
И звезды ею сокрушатся,
И солнца ею потушатся,
И всем мирам она грозит.

Какая глубина! И ведь написано еще в ту пору, когда Русь свято верила в Боженьку, в твердь небесную! А поэт сказал: «И солнца ею потушатся, и всем мирам она грозит». Все смертно, хорунжий. Ни Боженьки, ни черта, ни преисподней! Все и вся на земле – дьяволы

и Боги! Люблю Россию, хорунжий. Как русский, как сын отчества. А вот запакостили мы Россию изрядно. И это, знаете ли, скажется на будущих поколениях.

У Ноя было такое самочувствие, точно капитан содрал с него шкуру с мясом и душу вынул прочь. Ни Бога, ни черта не оставил! «От безверья сгинет, должно, – утешил себя Ной, не вполне уверенный, что сам спасется верою в Бога и всех святых апостолов. – Экое приспело время!»

VII

Между тем впереди у полковника и эскорта произошла непредвиденная заминка.

Миновав Плац-Парадную площадь, сворачивая в сторону вокзала, полковники снова увидели арестованных – вооруженные казаки гнали пятерых мужчин и двух женщин. Одну из них Бологов узнал издали – Евдокия Елизаровна Юскова! Простоголовая, в нарядной жакетке с накинутым на плечи ажурным платком, в длинной синей юбке, она шла, сгорбившись, впереди всех, держась руками за живот.

Двое казаков с обнаженными шашками шли по сторонам арестованных, а сзади конвоируемых – офицер в парадном голубом казачьем казакине и... погонах есаула!

Полковник Ляпунов спросил у Бологова:

– Па-азвольте! Эт-то что еще, атаман? Есаул при погонах?!

– Я его впервые вижу, господин полковник, – ответил Бологов.

– Какой части, господин есаул? Фамилия?

– Третьего Енисейского казачьего полка, есаул Потылицын.

Полковник Розанов уставился на есаула.

– Я, командир полка, есаула Потылицына не знаю.

– Мне ваше лицо тоже неизвестно, – ответил есаул полковнику. – Моим командиром на фронте был полковник Шильников. Сейчас он на вокзале.

Евдокия Елизаровна, улучив момент, кинулась к Бологову, вцепившись в уздечку коня:

– Григорий Кириллович! Спасите за-ради Христа! Вы же меня знаете! Мы же вместе ездили в Челябинск! Есаул со своими казаками арестовал меня на вокзале как большевичку, и так меня били, били! Боженька! – заплакала Дуня. Лицо ее и в самом деле было избито, губы раздулись, и на подбородке запеклась кровь. – Скажите же! То красные меня расстреливали в Гатчине, то теперь есаул ведет на расстрел!

Атаман Бологов подтвердил: Евдокия Елизаровна, бывшая пулеметчица женского батальона, восставшего против большевиков, действительно является активной фигурой «Союза освобождения», именно она в марте выполнила ответственную миссию при поездке представителей «Союза» на переговоры с командованием чехословацкого корпуса.

– Что за произвол, есаул? Кто вас уполномочил производить аресты, избияния? – напрягся Ляпунов.

– Я лично вас не знаю! – отсек есаул Потылицын. – Я подчиняюсь полковнику Шильникову, начальнику Красноярского гарнизона! Он приказал мне очистить вокзал и перрон от подозрительных лиц. Евдокия Юскова, как мне точно известно, проститутка, активно сотрудничала не в нашем «Союзе», а у большевиков. В Белой Елани Минусинского казачьего округа она застрелила командира повстанческого отряда, славного патриота Кондратия Урвана и скрылась в Красноярск с красным комиссаром Боровиковым.

– Не было! Ничего такого не было! – выкрикивала Дуня. – Есаул мстит мне за сестру, которая утопилась, только бы не выйти за него замуж. Ему хотелось получить капитал отца! Мстит, мстит! А всю банду его, Григорий Кириллович знает, разогнали потом казаки. Это все знают!

Если бы Евдокия Елизаровна и не сказала ничего подобного, карьера есаула и так была бы испорченной. Он не признал полковника Розанова за командира казачьего полка и самого управляющего губернией отверг. А тут еще арестованные, перебивая друг друга, слезно умоляли господ офицеров освободить их, как ни в чем не виноватых. Они путевые рабочие, отдыхали в дежурном помещении, а там на столе валялась кем-то брошенная газета. И вот офицер за эту газету ведет их в тюрьму.

Ляпунов посоветовался с полковниками, доктором Прутовым и к Бологову:

– Атаман! Приказываю: за самоуправство и учиненные бесчинства разоружить есаула Потылицына и казаков. Мы пришли, чтобы установить законность и порядок! А вы, граждане, свободны!

– Сдать оружие, есаул! – подъехал к Потылицыну Бологов, прямаясь в седле.

– Кто вам дал право разоружать есаула? Сотнику не подчиняюсь. Меня может разоружить только полковник Шильников. И вы не имеете права освобождать преступницу Евдокию Юскову и вот этих, которых мы захватили за чтением большевистской газеты. Или вы на совдеповцев оглядываетесь, господа?

– Ну, это уж слишком, – проворчал доктор Прутов. – Если так дело пойдет, каждый офицер, собрав вокруг себя трех-четырех казаков, будет чинить суд и расправу по своему разумению! Это же произвол?! Кто вам позволил, есаул, надеть погоны?

– С кем имею дело? – ощерился есаул. – С лицом гражданским я вообще не намерен разговаривать.

Доктора Прутова передернуло.

– Ах, вот как! Гражданских лиц вы считаете только пригодными для арестов и избиений? Хорош, есаул! – И к полковникам: – Я полагаю, как министр внутренних дел, есаула с его сообщниками следует арестовать и препроводить в тюрьму. А с полковником Шильниковым мы еще поговорим.

Бологов по приказу полковников (на этот раз они проявили такое поспешное взаимопонимание, что их совещание не длилось больше минуты), выхватив шашку, гаркнул эскорту казаков:

– Шашки наголо! Приказываю уряднику Сазонову, казакам Дружникову и Плотникову немедленно разоружить есаула и этапировать в тюрьму. И пусть содержат строго, впредь до особого распоряжения управляющего губернией.

Губернский комиссар Каргаполов спохватился: тюрьма – открыта, начальника тюрьмы нет, внешней охраны и надзирателей также, гауптвахты казачьего полка, как и самого полка, не существует, куда же водворить арестованных?

Сазонов с двумя казаками успели разоружить есаула, а вместе с ним – подхорунжего Коростылева и старшего урядника станицы Каратузской Ложечникова.

Полковники еще раз посоветовались с доктором Прутовым, и полковник Ляпунов проявил-таки милосердие:

– По случаю нашей победы над совдеповцами отпускаю вас, есаул, с подхорунжим Коростылевым и старшим урядником Ложечниковым до десяти часов утра. Явитесь в мою резиденцию в дом губернатора. Ясно?

– Так точно! – козырнул за всех красномордый Коростылев.

Арестованные успели убежать кто куда, и только Евдокия Елизаровна все еще стояла возле лошади Бологова, сторбившись и сморкаясь в платок.

– Вы свободны, госпожа Юскова, – напомнил Ляпунов и тронул мерина; за ним поехали все остальные, объезжая Дуню. Некоторое время она шла следом за казаками, боязливо оглядываясь: не преследует ли ее есаул со своими мордоворотами, потом свернула на тротуар и, увидев лавочку у заплота, села согнувшись – дальше идти не могла.

VIII

Взбешенный есаул Потылицын, матюгаясь, шел некоторое время со своими сподвижниками не оглядываясь, решительно ничего не понимая в происходящем.

– Што же это получается, Григорий Андреевич? – зудит есаула Коростылев. – За какую-то гадину разоружили и чуть в тюрьму не посадили! Или мы мало послужили царю и отечеству? За царя мы будем или за проклятые Советы? Этот-то с бородкой, Прутов, который при Керенском танцевал перед большевиками и жидами, теперь министром внутренних дел назвался.

– А я што говорил на вокзале? – напомнил Ложечников. – Надо было сразу прикончить гадину и бросить там. Не наравались бы. А тут полковники за шлюху! Вот это полковники! Вернуться бы на вокзал и обсказать Шильникову.

Потылицын зло матюгнулся:

– Пошли они все к такой матери! Они с ума спятили.

– Полковники всегда сплуются между собою, – поддержал Коростылев. – И должности разделят полюбовно, да еще банкет закатят для полного ажюра. На вокзале, видели, готовят ресторан для угощения Дальчевского. Но как же головка офицеров вас обошла, Григорий Андреевич? Вы же царский есаул, а не выскочка Бологов. Это же сволочь! Вы же отряд патриотов создали у нас в уезде. Не в бирюльки играли, а кишки выпускали из большевиков. Еще два офицера едут!

Потылицын присмотрелся – на караковом и рыжем коне едут двое, одного из них он узнал...

– Приветствую с победою, господа! – задержал каракового коня простоголовый офицер в расстегнутом френче. – Что вы такие кислые? Как там на вокзале?

– Пошел ты к чертям собачьим! – рявкнул Потылицын. – Ты знаешь, с кем едешь? Это – большевик! Красный хорунжий из Петрограда, которого давно надо шлепнуть. Я его знаю по Белой Елани. Он сорвал наступление Сотникова на Минусинск в начале марта. Сволочь!

– Что?! Что?! – напрягся капитан. – А ну, стойте, воители. Я с вами сейчас разберусь. Хорунжий, револьвер мне! Шашку наголо!

Ной быстро подал капитану наган и сам выхватил шашку.

– Ни с места! – орал капитан, наезжая на есаула Потылицына. – Документы! Быстро!

– Кто вы такой будете, что требуете документы? – отпятился к бревенчатой стене дома Потылицын.

– Я начальник губернской контрразведки, капитан Ухоздвигов. И без лишних слов!

Есаул подал документы: капитан заглянул в офицерскую книжку:

– Вот как! Родом из Белой Елани? Вы знаете моих братьев: полковника Иннокентия Иннокентьевича и сотника Андрея Иннокентьевича?

– Я знаю поручика Гавриила Иннокентьевича. Со старшими вашими братьями не встречался.

– В марте я читал одно из сообщений из тайги, подписанное «атаманом Григорием и святым Ананием». Не вы ли скрывались под этими именами?

– Да! При большевиках не ходил есаулом.

– Понятно. И что же, вы в самом деле считаете себя святым Ананием?

Есаул зло ответил:

– Это мое дело!

– В вашей книжке записана благодарность полковника Шильникова за проявленную бдительность на фронте в сентябре пятнадцатого года. В чем проявилась ваша бдительность?

– В разоблачении социалистов, втесавшихся в офицерский состав Третьего Енисейского полка.

– Служили верою и правдою царю-батюшке?

– Да! А вы где служили, господин капитан? В инфатерии тыла?

– Служил у кайзера Вильгельма в Берлине. Это вас устраивает? А вы, кажется, были приказчиком у миллионера Елизара Елизаровича Юскова? Из сотника – в приказчики? Помню, вы что-то натворили в Урянхае с Юсковым, и против вашей «доблестной службы» губернатор возбуждал уголовное дело?

Потылицын затравленно помалкивал. Фамилия Ухоздвиговых для него была столь же омерзительной, как и Юсковых. Сокомпанейцы-золотопромышленники немало поиздевались над сотником «на подхвате» в свое время. Да еще какой позор пережил с женитьбой на Дарье Елизаровне! И вот теперь остался у разбитого корыта, без денег, без чести и положения в обществе! А братья Ухоздвиговы преуспели! Да еще, слышал, какие куражи устраивали со своим диким папашей!

– Вы эсер?

– Не имею чести быть знакомым со всеми этими сволочами и всей пакостью, от которой в России стало невозможно жить.

– Вот как! Монархист?

– Почитаю за честь быть именно им!

– Но мы не за царя-батюшку, господин есаул.

– Кто – «вы»? Братья Ухоздвиговы?

– Социалисты-революционеры.

– Плевать мне на них!

– Вот как! – капитан сунул документы есаула в карман френча. – В таком случае вам нечего делать у нас.

– У кого у вас? У социалистов-революционеров? А я и не собираюсь ничего делать у вас. В Сибири есть другие силы – Забайкальское войско, в конце концов.

– Монархист Семенов? Ясно! Так вы спешите к атаману? Та-ак! Ну, а вы, господа казаки? Разделяете мнение вашего есаула?

– Я – подхорунжий Коростылев, – пробурлил мордастый сподвижник Потылицына. – Правду вам врезал господин есаул. Со всякой сволочью социалистами нам не по дороге, господин капитан! Да!

– Документы! А вы кто, казак?

– Старший урядник Ложечников.

– И также готовы шлепать всех социалистов?

– С моим удовольствием! Мы из них выпускали кишки в нашем уезде с ноября прошлого года по недавнее время. Да и сейчас орлы нашего отряда чистят уезд.

– Ясно. Ваш документ, брат-монархист! Завтра найдете меня в губернском комиссариате или у полковника Ляпунова. Разберемся в вашем умственном хозяйстве, господа. Вы поздно проснулись. Не тот год и не то время!

– Не беспокойся, господин капитан, мы свое время не проспим, – ответил с вызовом есаул Потылицын. – Царствование социалистов продлится месяц или два, а потом белое движение очистится от всех сволочей и будет настоящим белым!

– С царем-батюшкой?

– Да! Будьте покойны! Если не царя – вождя сыщем!

– Однако вы весьма воинственны, господин есаул! Имеете награды за подвиги на фронте? Ах, да! В книжке записано: Георгиевский крест. Ну, что ж, для первого знакомства достаточно. Особо предупреждаю вас, господин есаул, если еще раз назовете заслуженного хорунжего Лебеда, полного георгиевского кавалера, большевиком и красным, считайте себя рядовым казаком. Это я вам обеспечу, будьте покойны! И помните: то, что хорунжий Лебедь сделал для нас в центре совдепии, – вам это, с вашим багажом монархиста, вообразить невозможно. С

хорунжим Лебедем считались в Совнаркоме! А вы кто для Совнаркома? Печальный февральский день рухнувшего самодержавия! Ясно? Будете жаловаться? Пожалуйста! Небеса для вас всегда открыты. Господь милостив, тем паче он в трех лицах, и ему легче разобраться, кто вы и что вы!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.